

СИРИУС ПРИНДЯТИЕ

книга 3

Сергей Архипов



Сергей Архипов
Сириус. Книга 3. Принятие

«Литео»

2017

Архипов С. А.

Сириус. Книга 3. Принятие / С. А. Архипов — «Литео»,
2017

ISBN 978-5-00-071805-6

Третья книга драматического романа-трилогии «Сириус» подводит печальный итог жизни главных героев Ольги и Сергея. Пройдя через кровавую мясорубку страшной войны в Чечне, находясь по разные стороны противоборствующих сторон, они не могли даже и представить, что увидят друг друга в последний миг своей жизни, который стал одной большой дорогой в вечность. Большинство героев романа — образы собирательные, выдуманные, а события вымышленные, и если кто-то узнает себя в этих персонажах, то это будет лишь случайным совпадением.

ISBN 978-5-00-071805-6

© Архипов С. А., 2017
© Литео, 2017

Содержание

1	6
2	11
3	17
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Александрович Архипов

Сириус Книга 3 Принятие роман

*В этом нет ничего нового,
Ибо вообще ничего нового нет.*
Николай Рерих

1

Оля проснулась среди ночи от ужасной пульсирующей головной боли. Обхватив руками голову, она осторожно покачалась из стороны в сторону, но боль не желала уходить. Решив ополоснуть лицо холодной водой, она выбралась из-под одеяла и направилась в ванную комнату. На кухне горел свет. Родители не спали и полусшепотом вели беседу. Удивляясь поздним посиделкам, Оля прислушалась.

– Антанас, разве может такое быть? – спрашивала ее мама.

– Иришка, карикатуры, оскорбительные статьи в адрес иноязычных, призывы «Иван домой» – это все ерунда. Сегодня Иван Сергеевич провел оперативное совещание штабов и сказал, что участились случаи нападения на военнослужащих и членов их семей. Ты сама знаешь, что в больницах нам уже отказывают в помощи.

– Ужас!

– Но самое главное то, что совсем недавно на одном из митингов прозвучал призыв «Вспарывайте животы беременным женам офицеров, чтобы они не рожали оккупантов».

– Я не могу в это поверить. Выходит, история повторяется. Похожие события происходили осенью 1941 года. Тогда литовские националисты с благословения немецких оккупационных властей за полгода сумели уничтожить свыше двухсот тысяч проживавших в Литве евреев и работников партийного советского аппарата. Неужели это может повториться?

– Я думаю, что да! Как раз в свете тех событий тревогу усугубляет, что отец лидера «Саюдиса» архитектор Витаутас Ландсбергис-Жемкальнис был причастен к расправе над евреями. Он, как член Временного правительства Амбразявичюса, подписал благодарственное письмо Гитлеру, в котором давалось идеологическое и правовое обоснование расправы над евреями и работниками советского аппарата. Его сынок-музыковед недалеко от него ушел. Ведь это он предложил на третьем съезде «Саюдиса» поставить к стенке всех коммунистов Литвы. Предложение тогда приняли в штыки, а он попытался все перевести в неудачную шутку.

– Тише ты, а то вдруг нас кто услышит. За эти разговоры мы запросто можем оказаться в Алитусской колонии строгого режима.

– Ну ты, мать, замахнулась. В ее штрафной изолятор я не советую и врагу попасть, а тем более не желаю своей второй половине. Я оградил нас от этого.

– Интересно, и как же это у тебя получилось?

– Я подал рапорт об увольнении в запас и его удовлетворили. В ближайшее время мы уезжаем в Россию.

– Вот это да! Ты, Антанас, как всегда, любишь удивлять.

– А что здесь ловить? Жизни нам здесь не будет, а наша держава и вовсе в ближайшее время развалится.

– Но ты же коренной литовец!

– Мне никогда не простят службы в Советской армии.

– Но ее тоже лихорадит. С антиалкогольной компанией справились, ударив самогонварением, голодать люди привыкли, а вот с дефицитом сигарет тяжеловато. В России табачные бунты.

– Ты, как всегда, права. Стоимость пачки «Явы» доходит до пяти рублей против сорока копеек государственных.

– Там на рынках продаются даже окурки – «бычки» с подноса по пять-десять копеек за штуку и в банках. Пол-литровая стоит два рубля.

– Ирочка, ну что поделаешь, если производство табачного листа сократилось вдвое. Болгария нам недопоставила сигареты, а кубинцы остались без нашей бумаги, да еще шестнадцать табачных фабрик из тридцати двух закрылись на реконструкцию!

– А тебе не кажется, что это тоже диверсия? – Да ну брось ты. Все будет хорошо.

– Я говорила, что не нужно было продавать дом матери! Ты меня и слушать не хотел. Куда теперь изволишь поехать? Опять все начинать сначала? Ты понимаешь, что для этого моей жизни уже не хватит!

– Ирочка, я обещаю, что все будет хорошо.

Мама тихо заплакала, и от этих ее слез Оле сделалось нехорошо. Она с детства терялась от вида маминых слез. Ей захотелось ворваться на кухню, прижать ее к груди и тоже поплакать, но сказанные отцом слова ввели ее в состояние ступора. Головная боль моментально прошла, и она вернулась в комнату.

Поразмыслив, она поняла, что была очень далека от политических событий, а ведь они напрямую касались и ее. Ведь это ей пришлось уйти с последнего курса университета, ведь это она не осуществила своей заветной мечты по освоению спортивной карьеры. Она еще тогда, в 1988 году, будучи студенткой, радовалась новому движению «в поддержку перестройки» под названием «Саюдис». Они тогда не понимали, что «Саюдис» сначала негласно, а затем открыто ставил своей целью выход из состава СССР. Как раз их идеологическая пропаганда и разрушила ее дальнейшие планы. Вступив в конфликт с деканом, как оказалось, ярким националистом, она была вынуждена оставить учебу. Спортивная карьера тоже рухнула. Спорт был уже практически не нужен. Все активно начали заниматься политикой или бизнесом. А так полюбившаяся ей Литва стала в 1990 году независимой, объявив об этом на весь мир. На территории республики было прекращено действие Конституции СССР и возобновлено действие литовской Конституции 1938 года. Все бы ничего, но в ответ на это советским правительством была предпринята экономическая блокада, и жить иноязычному населению стало еще тяжелее.

Оля тяжело вздохнула, но ей стало легче от мысли, что они уедут обратно туда, где она родилась. Ведь тогда есть возможность продолжить обучение, а ее подруга Лена, которая два года назад уехала с родителями, писала, что они очень неплохо устроились. Оля подумала о работе в библиотеке, о коллегах поляках, которых придется оставить, и даже о своем любимом Вильнюсском районе преимущественно с польским населением, который объявил себя национально-территориальным районом, живущим по законам СССР. Но это все после слов отца не имело значения и тем более не внушало доверия.

На глаза родителям она решила не попадаться и тихо легла спать. Хотя заснуть не получилось из-за воспоминаний. Она поймала себя на мысли, что стала очень редко вспоминать Сережку. Возможно, все это было и правильно, ведь миновало столько лет, но сердце иногда напоминало о нем, и тогда она ощущала укор. Может, поэтому она до сих пор и не нашла в своем сердце замены ему. А почему, она не знала и знать не желала.

Всю последующую неделю они торопливо готовились к отъезду. Отец получил приличное выходное пособие, поэтому квартиру, пока не обживутся на новом месте, решили не продавать. Радовало то, что совсем недавно они приобрели новый шикарный автомобиль, чудо отечественного автопрома «ВАЗ 2108», как в шутку называл его глава семьи. За символическую плату отцу уступил свою очередь сослуживец, и теперь это избавило их от ненужных хлопот по поиску персонального водителя с личным авто. Друзья родителей были обеспокоены, что те выдвигаются в одиночку, говорили о том, что нынешние российские дороги небезопасны, приводили множество шокирующих примеров, но отец был неумолим. Он со смехом ссылался на то, что на бизнесменов они несколько не похожи, а для бандитов, как пить дать, не представляют интереса.

Маршрут родители выбрали спокойный, через Белоруссию, и отец в приподнятом настроении духа два дня спокойно расслаблялся за рулем. Но за Невелем, в районе Великих Лук, произошла беда.

Ближе к вечеру путь их автомобилю перекрыл огромный черного цвета джип. На такой машине могли ездить только люди с большим достатком или бандиты. Из нее громко звучала популярная в этом году «ламбада». Из джипа лениво вылезли два здоровых мужика. Они вальяжно приблизились к их машине. Отец напрягся, но из салона выходить не стал.

– Глуши тачилу! – приказал один из них, на что отец удивленно покачал головой.

– Ты че, старче, не понимаешь русского языка? – неподдельно удивился второй и, бесцеремонно просунув голову в салон автомобиля, выдернул ключи из замка зажигания и бросил слащавый взгляд на Олины ноги, одетые в лосины – плотные колготки с отрезанной стопой.

От его взгляда у нее все в груди похолодело.

– Что мы вам сделали? – спокойно спросил Антанас.

– Вот дает! – не унимался второй. – Сейчас мы ваш товар экспроприировать будем. Независимость в своей Прибалтике получили? Харю наели? А мы, простые русские труженики, загигаемся в нищете!

Они оба заржали, а Антанас выскочил из-за руля. Его намерения жестко пресекли несколькими короткими ударами, и он плавно осел на асфальт, морщась от боли.

Олина мама все поняла и истерично крикнула дочери:

– Олечка, беги!

Ту не нужно было заставлять. Она трясущимися руками открыла дверь и выпала на обочину. Животный страх поднял ее с разбитых в кровь колен, и она бросилась в сторону леса. Мама выскочить не успела. Откидное сиденье, как назло, заело, и она осталась в салоне. Ее вытащили за волосы прямо через переднее сиденье. Антанас опять вскочил и, выхватив монтировку, бросился на обидчиков. Появившийся из чрева джипа третий мужчина метким выстрелом из пистолета прошиб ему голову. Выпавшая из рук монтировка глухо загремела об асфальт, а Олина мать зашлась в нечеловеческом крике. Сама Оля, почуввав неладное, хотела вернуться, но тот же материнский крик вернул ее к прежнему намерению:

– Беги, Олечка, беги!

Мужчина с пистолетом прислушался и несколько раз выстрелил в сторону леса, ориентируясь только на звуки. По-видимому, он был специалистом, и одна из пуль ударила совсем рядом с Олиной головой, расколов в мелкое крошево кору на дереве, которое, в свою очередь, рассекло кожу на лице в кровь.

Ее затрясло, но страх за родителей не давал разумно мыслить. Она интуитивно наклонилась, вжалась в землю, стараясь не привлекать внимания. Она твердо была уверена, что бандиты сейчас кинутся на ее поиски.

– Сладкая сучка была, – запричитал второй. – Жалко, упустили.

– Вам и этой хватит! – командным голосом бросил третий.

Затаившаяся невдалеке Оля слышала, как насиловали мать. Мама молчала, а Оля, осознавая свою беспомощность, гребла руками землю, до крови сдирая ногти. Позже она необъяснимо почувствовала, как тела ее родителей сбросили в канаву, и бандиты поспешно уехали на обеих машинах. Она ползком в сгущающейся темноте приползла к дороге, нащупала родные тела и зарыдала. Ее мозг отказывался верить случившемуся. Казалось, все что происходило не с ней, и стоило только напрячься, как должна была появиться мама. Ее любимая мамочка. Присутствие рядом окоченевших тел не давали разумно мыслить. Она бессознательно прижималась к их остывающей плоти.

Что произошло далее, она помнила смутно.

Мелькание милицейских огней, суета незнакомых людей в белых халатах, долгая тряска в тесном салоне милицейской машины уже не волновали ее. Самое страшное – это было безразличие людей. Жуткое леденящее кровь безразличие, с которым она столкнулась впервые.

Наутро и все последующие дни ее бесконечно допрашивали в местном отделении милиции.

– Как это могло произойти? – бесконечно задавала она один и тот же вопрос, доводя им пожилого следователя до бешенства.

– Да очень просто! – твердил он. – Это надо же было додуматься, чтобы припереться в такое время да на такой машине. Что ж вам дома не сиделось? Все бизнесом занимаются! Денег всем мало!

– Мои родители бизнесом не занимались, – тихо сказала Оля.

– А кто теперь это опровергнет? – зло прищурился следователь.

– Как мне дальше быть? – безропотно спросила Оля.

Следователь словно обрадовался ее словам.

– Как что? Давай, девонька, собирайся, прибирай своих покойничков и чеши в свою Литву.

– Как так?

– А вот так. Нам ваши националистические разборки ни к чему.

– Какие разборки? – вспыхнула Оля.

– Может, вы диссиденты, и на вас открыл охоту ваш этот, как его... «Саюдис».

Оля открыла от изумления рот и совершенно ничего не смогла сказать в ответ.

– Завтра мы передаем тебя сопредельной стороне. Ты гражданка независимого государства и ты – теперь их головная боль.

– Но преступление совершено вашими гражданами! – заплакала Оля.

– Доказательств нет. А вот политика советского правительства мне ясна!

– Какая политика?

– Ведь вам объявлена экономическая блокада, и граждане Литвы, находящиеся в приграничных районах, должны быть насильно выдворены обратно!

– Почему вы так нас ненавидите? – Пусть тебе дед-нацист объяснит!

Оле стало не по себе, но она твердо была уверена, что должна достойно отправить родителей в последний путь.

На это ушла вся следующая неделя. Никто ей не помог.

Экономическая блокада, предпринятая правительством Горбачева, еще сильнее расколола Литву на два лагеря. Ей, как дочери офицера оккупационной власти, отказали все инстанции, но Оля была упряма. Она продала за бесценок квартиру и на деньги от ее продажи устроила скромные похороны родителей. На оставшиеся уже от поминок крохи она сняла небольшую комнату на окраине Вильнюса и только тогда пришла в себя.

Села на единственный чемодан своих вещей посреди миниатюрной комнаты. Только сейчас покатались слезы. Беспомощная девушка внутри нее запаниковала. Впервые в своей жизни она была одна. Раньше рядом всегда были родители, бабушка, затем друзья, Сережка. Теперь не было никого. Совершенно никого, как в ледяной безжизненной пустыне, в такой неприветливой и уже нелюбимой стране.

Проплакала до утра.

Поспала.

Проплакала до вечера.

Мысли не давали покоя.

Нужно было жить.

Да, нужно было жить.

Нужно было отомстить.

Да, отомстить!

Как, кому, зачем?

Русским? Но ты же тоже почти русская, и Сережка был русским.

В том-то и дело, что был, а теперь у нее там никого не осталось. Совершенно никого. Одни кресты на кладбищах.

Она почему-то не удивилась тому, что перестала жить реальной жизнью. Не удивилась тому, что рядом с ней оказались не совсем честные люди. Она даже не удивилась тому, что оказалась среди людей, живущих не по человеческим законам. Сознание ее было затуманено и подчинено одной цели – мести.

2

Вертолет натужно боролся с разбушевавшейся непогодой. Его кидало из стороны в сторону. Пилоты устало преодолевали одну воздушную яму за другой, стараясь удержать заданный курс под неистовыми ударами ураганного ветра. Внизу сквозь плотную завесу бешено несущих облаков неясными силуэтами мелькали очертания гор.

Серж Ворулю сидел неподвижно и крепко держался за поручни переборки. Его взгляд был совершенно пуст, и за последнее время на его лице не промелькнуло ни одной эмоции, словно оно было вытесано из камня. Рядом с ним сидел Джон Смилкович со своим помощником и, стараясь перекричать невыносимый грохот, извергал проклятья на местных боевиков, которые, попав в этот воздушный переплет, растеряли весь боевой пыл. Они безуспешно пытались сориентироваться на местности. Серж не обращал абсолютно никакого внимания на безумные перепады высоты, от которых неподготовленных людей вывернуло бы наизнанку. Он был спокоен, как никогда. Чтобы не слушать бессмысленные пререкания своего командира с боевиками, он прикрыл глаза и мысленно отключился от реальности. В последнее время ему очень редко удавалось достичь вершины расслабленности. Черета бесконечных заданий мешала этому. Горные вершины, которые проносились сейчас за бортом, были словно близнецы тех, которые он видел в Азии и других странах с подобными горными рельефами. Сейчас он впервые после стольких лет находился на территории России.

Они были заброшены сюда для оказания помощи бывшей республике Российской Федерации Чечне. Помощь заключалась в обучении и организации диверсионной и террористической войны.

Эта республика объявила себя самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей, ввела собственные налоги и прекратила их перечисление в федеральный бюджет. Были независимые от федеральных органов судебная система, прокуратура, адвокатура. В августе 1994 года съезд чеченского народа в Грозном поддержал решение президента самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия генерала Дудаева об объявлении всеобщей мобилизации и о начале священной войны с Россией за независимость. В декабре того же года президент России Ельцин предъявил Дудаеву ультиматум. Одновременно российские армейские подразделения начали сосредотачиваться на границе с Чечней. Чеченские власти выполнить требования президента отказались, и регулярные части Российской армии вошли в Чечню. Средства массовой информации подняли невообразимый шум об агрессии огромной страны против маленькой независимой республики. Весь этот информационный поток походил не на справедливый шум, а на неслыханную лживую вонь, распространившуюся по всему миру.

Так бойцы и оказались здесь, выполняя особую миссию, обучая мирных пастухов и землепашцев военному делу. На самом деле эти мирные жители оказались кровожаднее, чем те, которых он видел в Сомали и Афганистане. Террористические акты, похищения людей, захват заложников боевики использовали, как средство для достижения своих целей, а опыт Джона и его соратников принимали, как лишнее подтверждение своей силы, фанатично гордясь тем, что за ними стоит сверхдержава.

Вскоре вертолет клюнул носом, резко снизился, отчего боевики загалдели, неуклюже коснулся земли и замер, завывая лопастями.

Серж открыл глаза, равнодушно подхватил свои вещи, подмигнул Джону, двинулся к выходу и грациозно спрыгнул на каменистую почву. Жесткие порывы ветра ударили в грудь. Было невероятно холодно.

Их встречали.

Извилистая скользкая горная тропа увела отряд от места посадки.

Шел мокрый снег, превращая их в снежных людей. Так называемый штаб местного военного подразделения борцов за свою независимость был расположен в пещерах. Серж чувствовал презрение, исходящее от идущего впереди шефа, но он был уверен, что тот ошибается, не принимая всерьез фанатичный настрой местных боевиков. На этих ошибочных чувствах строились планы советского правительства, которое, послав солдат в Афганистан, измотало их бессмысленной десятилетней войной, не давшей победы ни одной из сторон. Этими же чувствами обманывалось и американское правительство, еще раньше завязшее в кровопролитной войне во Вьетнаме, которая закончилась жутким поражением мощной страны. Серж ухмыльнулся и смахнул с лица налипший снег. По крайней мере, это не его дело, а ему самому наплевать на мысли, чувства и планы шефа.

После долгого пути по петляющим, почти невидимым тропам они оказались в чистом и на удивление сухом каменном гроте, к оснащению и благоустройству которого когда-то было приложено немало усилий.

– От Советской армии осталось, – буркнул их проводник, видя, как озадаченно американцы осматриваются.

Встречал их небольшого роста мужчина с добела выбритым лицом.

– Аслан, – представился он. – Я думаю, что заочно мы знакомы, поэтому без предисловий и пафосных слов перехожу к сути вопроса.

Он обвел руками каменные своды и продолжил:

– Это советское наследие. Здесь были склады, и тянутся они на многие сотни метров. Все это мы хотим использовать для переподготовки и концентрации своих сил. Вам известно, что в Грозном сложилась тяжелая обстановка. Нас теснят федералы, но мы превратили город в неприступную крепость. Нам нужна ваша помощь в организации разведки и обустройстве этого центра, но нам мешает расположенная в низовье воинская часть федералов. Ее командир – подполковник – хваткий мужик. Кто он и что из себя представляет как личность, мы еще не знаем, но деньги он не взял. Идейным оказался. И нахрапом не взять. Бойцы его оказались подготовленными, не в пример этим желторотым призывникам, и они накрепко перекрыли дороги к городу.

Джон приподнял вверх руку, давая понять, что информация принята.

– Не переживай, полковник, мы все устроим лучшим образом, – он указал жестом на Сержа. – Со мной один из лучших инструкторов-разведчиков. Он организует акцию по устранению командования этой части, которое на время деморализует личный состав. Этого времени хватит для победоносного удара твоих сил, а мой второй помощник организует здесь все остальное. А сейчас нам нужно отдохнуть, просохнуть и все обмозговать.

Аслан учтиво поклонился, прижав руки к груди. Чеченцы устроили им радушный прием. Серж подумал о том, что не зря им перед отправкой рассказывали об их гостеприимстве. Тот, кто рассказывал, был, по их общему мнению, всего лишь штабным клерком, но говорил с таким энтузиазмом, что у Сержа промелькнула мысль – это неспроста, тот человек уже был в Чечне, хотя отрицал сей факт.

Ближе к вечеру Джон взялся за дело и обратился к Сержу:

– Сегодня тебе придется выдвинуться в расположение федералов.

– Почему сегодня и почему говоришь федералы, а не русские?

– Я думал, что тебе это будет неприятно.

– Индюк тоже думал!

– Мне не нравится твой настрой!

– А я тебе сразу сказал, что не нужно меня сюда брать! Не мое это!

– Это ты зря. Я специально настоял на том, чтобы тебя направили со мной. Пойми, так нужно для твоего же блага. Если ты себя здесь преодолеешь, то я смогу сказать, что вложенные в тебя средства и силы окупилась с лихвой!

Серж усмехнулся и сказал:

– Да ты стал философом! Но все равно ты же до жути боишься эмоциональных проявлений. И ты, лично ты гасил их в своих подчиненных и гасишь до сих пор!

– Это и есть дисциплина, Серж! И ты не хуже меня знаешь, что она залог успеха во всем! Но хватит лирики. Конкретно сегодня тебе обязательно нужно обследовать подступы к лагерю русских и к утру предоставить мне свои наработки по ликвидации командного состава. И еще хочу добавить, что эта страна – наше приоритетное направление в данной политической ситуации и, кстати, это не Россия!

– Я все выполню, – козырнул Серж. – Но одно могу сказать тебе, что ты глубоко ошибаешься. Это Россия и, я думаю, что ею и останется, но только не при нынешнем президенте.

Джон заинтересованно взглянул на своего подчиненного, долго собирался с мыслями для продуманного ответа, но не успел.

– Ничего не говори, – опередил его Серж. – Я предан тебе, как всегда, а сейчас мне нужно собраться и подготовиться к выполнению задания.

Джон озадаченно пожал плечами, сожалея, что у него нет лишних людей. Все обстоятельства говорили о том, что к Сержу нужно приставлять наблюдателя, но только не из местных боевиков. От жуткого ощущения беспомощности он скривился. Интуиция подсказывала, что надвигается опасность, но этот слабый сигнал, прозвучавший еле слышным колокольчиком, растворился в глубинах мозга, а ему пришлось натянуть маску безмятежности при появлении Аслана.

После продолжительных сборов, проверки снаряжения своих сопровождающих Серж вывел отряд в самый центр разбушевавшейся непогоды. Пройдя в очередной раз лабиринтом невидимых троп, он мысленно нарисовал карту местности и запечатлел ее в своей памяти. Фотографическая память – это был его дар от бога.

Месторасположение воинской части русских было выбрано идеально. Ее форпосты наглухо перекрывали горные тропы, препятствуя проникновению отрядов боевиков через этот район гор. Во всем чувствовалась опытная рука командира, уже участвовавшего в войне в горах.

Серж дал указание своим бойцам ожидать его, а сам, безумно радуясь тому, как разгулялась стихия, двинулся напрямик в расположение русских. Его пытались отговорить, но он только улыбнулся и скрылся в темноте. Боевое охранение вызывало невольное уважение, но он не зря слыл невидимкой и поэтому словно тень проскользнул мимо дозоров.

Командирскую палатку из всех других он вычислил сразу, а бесшумно попасть внутрь не составило особого труда.

Тренированные глаза быстро адаптировались в темноте, и он огляделся. На металлической кровати спал мужчина, накрытый одеялом. Недалеко от кровати стоял стол, заваленный мятыми листками бумаги. Серж осторожно порылся на нем, оценивая документы профессиональным взглядом, но не обнаружил ничего полезного. Внезапно его внимание привлек офицерский планшет, висевший на спинке стула. Он аккуратно открыл замки, откинул крышку. Цепкий взгляд натолкнулся на фотографию, которая оказалась такой до боли знакомой, что моментально похолодело в груди. Он снова, но уже испуганно, бросил взгляд на спящего мужчину и зажмурил глаза.

«Этого не может быть!» – тревожными импульсами полыхнуло его подсознание, превращая ледяное спокойствие в бешеное смятение.

Мыслями он мгновенно оказался в прошлом.

Страшные картины безумным калейдоскопом мелькали в голове. Им не было конца. Он тщетно пытался сосредоточиться на знакомых образах, но все попытки заканчивались неудачей. Омут неопределенности и безысходности упорно тянул его в себя, превращая существование в сущий кошмар. Он упорно боролся, цепляясь сознанием за хрупкую частицу

сущности, висевшую на тонюсеньком волоске между жизнью и смертью. Ему наконец-то повезло. Расплывчатые видения пропали, и он невероятным усилием воли сосредоточился на единственном образе, который безумно желал увидеть. Это был образ матери. Ему удалось детально ощутить такое до боли любимое лицо. От нахлынувшего приступа счастья он чуть не захлебнулся и сразу открыл глаза. Позади осталась вечность, а в зыбком мареве неохотно возвращающегося зрения появилось лицо улыбающегося американца. То, что это был американец, он был уверен стопроцентно. И то, что американец имел физическую оболочку – это был факт. А тот, понимая его состояние, жизнерадостным голосом произнес:

– Здорово, солдат! Скажу честно, что ты заставил нас серьезно поволноваться. Случай, произошедший с тобой, один на миллион, и это чудо, что ты все еще с нами.

– Где я? – с трудом ворочая разбухшим языком, проскрежетал Сергей, не узнавая собственного голоса и с трудом вспоминая собственное имя.

– Где и должен быть. В Исламабаде. Я тогда очень долго терялся в догадках, размышляя о том, кто это меня вызывал. Пока на место не приехал, никак не мог догадаться. А ты, выходит, не забыл меня, или это была попытка твоего организма уцепиться за жизнь?

Сергей постарался нахмуриться и сосредоточиться на чем-то конкретном, но ничего не получалось. Мысли разлетались от его прикосновения, словно мыльные пузыри.

– Ладно, не напрягай извилины. Что было, не в счет. Главное – это теперь то, что ты с нами и дело только за твоим выздоровлением, – произнес американец, увидев его мысленную борьбу. – Врачи тебя быстро на ноги поставят, ведь ты в военном госпитале и под нашей опекой. Отдыхай.

Он вышел и в дверях еще раз бросил взгляд в сторону Сергея, снова поражаясь мужеству этого солдата. Врачи и его руководство тогда считали безнадежными попытки спасти парня, но он упорно стоял на своем, и терпение было вознаграждено.

После его ухода Сергей в очередной раз попытался сосредоточиться, но память возвращалась неохотно.

Он снова задремал, но хаос мыслей не давал заснуть. Обрывки воспоминаний о минувших событиях пытались собраться воедино. Он ясно увидел ненавистные горы, последний взгляд капитана Звягинцева и ослепительную вспышку. Только сейчас он осознал, где находится, и ему стало до жути страшно. Так он еще никогда в своей жизни не боялся. Даже первый бой показался детской игрой. Его затрясло, и он с жутким хрустом сжал челюсти. Словно по взмаху волшебной палочки рядом с ним внезапно оказалась медсестра и сделала успокаивающий укол. Только после этого Сергей перестал трястись и крепко заснул.

На следующий день он пришел в себя и почувствовал даже некоторую уверенность. Попытавшись приподняться, обнаружил, что сделать этого не может. Он просто не чувствовал тела. Рядом с ним снова появилась медсестра, симпатичная девушка лет восемнадцати с удивительно красивыми и тонкими пальцами, начала быстро щебетать на непонятном языке, жестами показывая, что подниматься ему категорически запрещено. Сергей обреченно подчинился, все равно растеряв все силы в тщетных попытках.

Всю следующую неделю его возили на какие-то процедуры, массажи, которые он безвольно принимал, словно находился под гипнозом. Ужасающих размеров борода напугала его, но он просто попросил ее сбрить.

К концу следующего месяца он смог самостоятельно вставать, даже передвигаться и по несколько часов в день начал заниматься гимнастикой, а со временем осторожно принялся вспоминать приемы каратэ, пугая этим медицинский персонал, который до сих пор не мог поверить, что этот мертвец ожил и находится в полном здравии. Он напрягал свое тело до изнурения, стараясь восстановить былое физическое состояние. Мысли о том, что он остался один, не покидали его, отравляя существование. Он помнил, что все ребята погибли

и по вечерам слезы отчаяния текли по его лицу. Но нужно было жить. Для этого требовалось тренированное тело, и он с энергией приступал к занятиям.

Вскоре появился знакомый американец.

– Ты, я гляжу, зря времени не теряешь? – начал он с порога.

– Естественно.

– Напугал до полусмерти персонал. Они даже прозвали тебя медведем.

Сергей пожал плечами и вопросительно взглянул на Джона. Тот поежился и опустился в кресло рядом с небольшим журнальным столиком.

– Ты мне нравишься все больше и больше. Ты меня понимаешь с полуслова.

Он указал рукой на противоположное кресло и, когда Сергей сел, достал из пакета бутылку виски, два стакана, шоколад и пачку сигарет. Не раздумывая, он разлил ароматное содержимое бутылки и произнес:

– Врачи сказали, что ты совершенно здоров и поэтому мы можем пропустить по стаканчику и спокойно поговорить о дальнейшей жизни.

– Я не возражаю, – выпалил Сергей и поднял стакан. – За наше предприятие.

Джон улыбнулся, и они выпили. Сергей сразу закурил, и ему стало хорошо, тепло и спокойно.

– Ты уж извини, но я должен сообщить тебе плохие известия, – задумчиво сказал Джон, снова наполнив стаканы.

– Ну вот, только расслабишься, как снова желают окунуть тебя с головой в дерьмо! – в сердцах выпалил с непривычки захмелевший Сергей. – Хотя какие могут быть плохие известия, если и так все плохо. Тюрьма эта надоела, а на улицу не пускаете. Я даже не знаю, какое сейчас время суток за этими ставнями.

Джон опять удивился его чутью и продолжил, доставая из внутреннего кармана пиджака свернутую газету:

– Поверь мне, бывает хуже! Посмотри на дату!

Сергей нерешительно взял печатное издание, осторожно развернул передовицу, не понимая, в чем здесь подвох. По совету Джона взглянул на дату и онемел. Черным по белому было напечатано 22 мая 1988 года. Он судорожно сглотнул и, не раздумывая, вылил содержимое стакана в рот. Хмель улетучился. Он лихорадочно размышлял. Если это не фальсификация, то что это?

– Не понял? – выдохнул он после длинной паузы. – Ты был в состоянии комы более трех лет. Чудо, что вы после взрыва вообще живы остались.

– Кто мы? – почти на издохе промычал Сергей.

– Ты и твой капитан!

– Он жив?

– Пока да, но не знаю, надолго ли. Он в пакистанской тюрьме.

Сергею уже было наплевать на пролетевшие годы, на себя самого.

– Ты хочешь, чтобы я работал на тебя?

– Конечно, для этого я здесь, и я надеюсь, что для этого ты позвал меня?

– Я согласен, но у меня два условия!

Джон округлил глаза и возмущенно выкрикнул:

– Тебе ли диктовать условия?

– Как хочешь, но можешь сейчас меня расстрелять, повесить, а согласие мое получишь только после их выполнения! Ты прекрасно знаешь, что потеряв сейчас меня, ты огребешь по полной программе от своего руководства.

Джон скрипнул зубами, подумал и, улыбнувшись, произнес:

– Валяй, стратег!

– Вы освобождаете капитана и отправляете его домой! И против своей страны я воевать не буду!

– С первым пожеланием будет тяжело, но я обещаю, что выполню его.

– А со вторым?

– Здесь вообще проблем нет. Сейчас у власти Горбачев, а он наш человек. Еще несколько лет, и твоей страны просто не будет. А с сегодняшнего дня ты можешь выходить на улицу, и не думай, будто содержишься в тюрьме. Эта мера предосторожности была принята для твоего же блага.

Он встал, вышел, в коридоре отдал распоряжение охране, и автоматические ставни в его палате раздвинулись.

В это вечер его больше не тревожили.

– Три года, – твердил Сергей безостановочно, допивая остатки виски.

Новости раздавили его.

Ночью он вышел на лоджию и от свежего весеннего воздуха снова опьянел.

Дома тоже была весна. Сергей представил сирень, которая сейчас цвела, как опалелая, белые березки, отчий дом. Ему было безумно жалко в свои годы расставаться с мечтами, прощаться с будущим, а еще труднее терять свою Родину.

– У бога только небольшую малость прошу в этой жизни, – прошептал он. – Вернуться пусть не скоро, но в свое детство. Мамочка, милая моя, как мне жить дальше?

Слезы хлынули ручьем.

Воспоминания растворились, а он вернулся в реальность, когда внезапно ощутил дыхание смерти.

– Кто здесь? – произнес твердый, но до боли знакомый голос.

Серж повернулся, осторожно смахнул слезу, взглянул на силуэт сидевшего на кровати мужчины, в руках у которого был пистолет, и вымученно сказал:

– Товарищ капитан, это я.

3

– Воронцов, ты, что ли?

– Ну а кто, товарищ капитан?

– Чудеса, но сказать честно, я тебя все время ждал. Может, не сегодня, не завтра, но ты обязательно должен был появиться в моей жизни.

Звягинцев опустил напряженную руку и небрежно бросил пистолет на подушку.

– Даже так?

– А как еще? Кто ты теперь в этой жизни? Столько лет прошло.

– Это точно. Лет прошло много, а воды утекло не одно море.

– Так ты мне и не ответил ничего.

– А вам, товарищ капитан, не все ли равно? Спасибо бы хоть сказали, что ли.

– Ну ты даешь, пацан! Может, мне тебя в жопу поцеловать или...

– Не стоит! Не поверите, а я все равно рад вас видеть в полном здравии.

– Обоюдно!

Звягинцев встал, нерешительно подошел к Сергею и крепко обнял его.

– Можешь ничего не говорить! Сейчас мне наплевать, кто ты есть. Я и так рад нашей встрече. Если честно сказать, то у меня слова в горле застревают.

Сергей судорожно сглотнул и крепко прижал к себе худощавого капитана.

– Моя голова превратилась в черную дыру, – прошептал он ему на ухо. – Я чувствую себя живым мертвецом, восставшим из ада. Я уже не верю ни во что, только черная чернота, как у упыря из сказки. Понимаете, у меня одна мечта. Я бы хотел спасти то, что осталось от моей души. Больше мне ничего не нужно.

Звягинцев интуитивно почувствовал, как повлажнели глаза у Воронцова. Он скрипнул зубами и нарочито грубо ответил:

– Я тебе что, отец духовный? Думаешь, грехи отпускать твои буду? Не дожدهшься. Разбирайся сам со своим дерьмом. Нам и своего до конца жизни не выхлебать.

Он отстранился и пристально взглянул в глаза Сергею.

– Я просто хочу все начать с начала! – продолжил тот. – Вы мне поможете? – Звягинцев промолчал. – Сколько мне дадут?

– Да ты что! – удивился Звягинцев. – Тебе западные идеологи все мозги засрали! В этой стране все с ног на голову перевернулось. Теперь такие, как ты, в героях ходят!

– Тем лучше! Я хочу вернуться! – твердо сказал Сергей.

– А я и не буду против. Но ты вернулся в самое тяжелое для страны время. Сам видишь, что началась чеченская кампания, и чем она закончится, никто не может спрогнозировать. Обстановка, как говорили раньше, на всех фронтах тяжелая. Здесь, на Кавказе, как ты уже слышал, идет настоящая война, страшная и кровавая. Здесь эти суки власть имущие делят влияние и деньги. Человеческая жизнь ничего не стоит. Многие люди в одночасье потеряли все, а мы помогаем им спасти свои жизни. Понимаешь, помогаем!

– Я понял тебя, капитан!

– Да не капитан я, а подполковник.

– Не важно! Это как символ. Сейчас мне пора, но я скоро вернусь!

– Ты думаешь, что так запросто можешь уйти от меня?

– А кто меня остановит? – улыбнулся Сергей и, откинув полог палатки, скрылся в темноте.

Звягинцев покачал головой и прошептал:

– Я знаю, что ты самый лучший. Спасибо тебе, рядовой Воронцов, что остался в живых! Такой грех с души свалился. Я буду надеяться, что мы в скором времени опять свидимся.

Он прикрыл повлажневшие глаза. Воспоминания нахлынули, словно наваждение.

Дышать было тяжело. Он с трудом открыл оплывшие глаза. В очередной раз теряясь в догадках, для чего его вернули к жизни, чуть не заплакал. Страдать ужас как надоело, а так жить не имело смысла. Но это была жизнь, и молодой организм суматошно боролся со смертью. Умирать он, в отличие от сознания, не желал. Смерть ходила рядом, в буквальном смысле слова по пятам, выкашивая целые камеры. Эта тюрьма была средоточием ада, а он оказался ее узником. Совсем недавно он получил нового собеседника, сносно изъясняющегося по-русски, а вот сегодня уже лишился. Растрескавшиеся кровоточащие губы этого пожилого мужчины тряслись, были растянуты в безумном оскале, глаза стали бессмысленными. Видно, что он уже не жилец.

Капитан Звягинцев в ужасе прикрыл лицо руками. Он не мог привыкнуть к этому зрелищу, но труп, как было здесь принято, провалялся в камере не один день и превратился в разбухшую зловонную тушу.

Тусклые дни бесконечно тянулись, складываясь в недели, месяцы, годы. Сколько времени провел здесь, он уже не помнил и сбился со страшного счета. С каждым подаренным ему богом утром его мозг желал смерти, а тело снова и снова отчаянно цеплялось за жизнь. Тюремщики терялись в догадках, пытались угадать, почему он так вынослив, и разочарованно качали головами, в очередной раз увидев, что он пока еще жив.

Чтобы окончательно не свихнуться, он начал декламировать стихи, восстанавливая их по памяти. Они не давали ему зачехнуть. Он вспомнил маму, которая обожала поэзию и привила сыну любовь к ней, и был благодарен ей за это.

На исходе бесконечности его жизнь неожиданно переменилась.

О нем вспомнили и почему-то привели на допрос, а перед тем накормили настоящим супом и дали чистой ледяной воды. Она была сущим нектаром, в сравнении с той протухшей жидкостью, которую обычно выдавали им по вечерам.

Собеседник, который ожидал его в комнате допросов, долго и молча разглядывал его, словно пленник был подопытным кроликом в тюремной лаборатории. Звягинцев сразу признал в нем того самого американца, которого видел в Афганистане.

– Ну что, капитан, – прервал американец затянувшееся молчание. – Так, вроде бы, было твое звание на момент пленения?

– Почему было? Такое и осталось, – твердо ответил Звягинцев.

– Ты рассердил наших пакистанских друзей.

– На все милость господ нашего.

– О, да ты стал верующим?

– Да нет. Просто было очень много времени на размышления.

– Ты, случайно, в своих размышлениях не созрел для того, чтобы оказать нам помощь?

– Нет! На эту тему я разговаривать не буду! Можете обратно уводить!

– Все, молчу-молчу! – замахал руками американец. – Просто профессиональная привычка. Я здесь по другому поводу.

Звягинцев вопросительно взглянул на американца. – Перед пакистанским законом вы вину практически искупили. В связи с новыми политическими веяниями в вашей стране о вас сообщено советскому консулу. У вас представилась возможность вернуться на Родину!

Глаза у Звягинцева повлажнели. Сглотнув слюну, он смахнул слезы рукой и резко произнес:

– В ваши добрые намерения я не поверю ни за что, а гнусным политикам, даже пусть и своим, тем более. В чем причина?

Американец был явно озадачен, но, подумав, решил, что ничего страшного не произойдет, если он все расскажет этому русскому офицеру. Его выдержка удивляла. В последнее время Джона все сильнее тянуло к этим русским. В них была первобытная природная сила духа и своя неповторимая изюминка.

– Будьте благодарны Воронцову!

– Кому? – чуть не захлебнулся от услышанных слов капитан.

– Рядовому, которого нашли рядом с вами.

– Он жив?

– Конечно! Но он, в отличие от вас, там, в горах, умирать не хотел, а вы не оставили ему выбора.

Звягинцев скрипнул зубами, но промолчал.

– Ему было не лучше вашего. Он все это время пробыл в коме.

– Что?

– В беспамятстве. Недавно выздоровел и, как только узнал, что вы живы, сразу поставил условие.

– Какое?

– Отправить вас домой!

– А что вы требуете взамен?

– Его сотрудничество. У него изумительные данные. Такого интеллекта и физики я не встречал давно. На него я готов поменять всех обитателей и надзирателей этой вонючей тюрьмы.

– Я могу его увидеть?

– Конечно же, нет! И я рекомендую вам вообще забыть, что он числится в списках живых. Вас сейчас должно беспокоить только одно – это ваше скорое возвращение домой.

Эту ночь капитан не спал. Американец не врал, и на следующий день его официально передали дипломатическим представителям, причем сделали из этой передачи настоящее идеологическое шоу с мельканием десятков репортеров, представителей телевидения и всякой другой непонятной публики. Только прибыв в Россию, он окончательно и по-настоящему осознал, что мучения его закончились, но мысли о рядовом Воронцове, который якобы остался вместо него, отравляли существование и не давали спокойно жить.

Встреча с родителями оставила мутный осадок, она привела мать в истеричное состояние, а отца в ступор. Разделявшая их пропасть, независимо от их воли, стремительно ширилась. Он получил очередное воинское звание и бессрочный оплачиваемый отпуск, но с упрямой напористостью отказался от вознаграждения и вернулся к воинской службе, направляясь у начальства на самые экзотические командировки и соглашаясь на службу в горячих точках, количество которых с победным шествием по стране демократии все увеличивалось и увеличивалось.

Серж вышел к ожидавшим его боевикам с противоположной стороны, чем напугал их, словно возникшее из пустоты привидение.

– Шайтан тебя носит! – выругался старший и, больше не проронив ни слова, махнул рукой, давая команду двигаться.

Всю обратную дорогу шли в полной тишине, и только боевики без конца кидали в его сторону многозначительные взгляды – чувствовался их интерес к нему.

База встретила их той же тишиной и предутренним покоем. Серж, не раздумывая, скинул промокшее обмундирование и завалился на отведенную ему койку, блаженно накрывшись сухим одеялом.

Утром его растолкал Джон. Одарив его злобным взглядом, прошептал:

– Почему сразу не доложил, как только прибыли?

– Иди к черту! – чертыхнулся Серж и повернулся к Джону спиной.

Тот поморщился, но оставил его в покое. Выйдя на свежий воздух, он захватил в руки пригоршню ослепительно чистого снега и приложил его к разгоряченному лицу. Поведение подчиненного не давало ему покоя. Он уже начал сожалеть, что взял его в Россию. Но что сделано, то сделано, а без Сержа ему не организовать диверсионной сети.

Сзади тихо подошел Аслан.

– Вас что-то беспокоит?

Джон смахнул с лица растаявший снег, призадумался и тихо сказал:

– Мне нужна реальная акция. Хочу посмотреть на действия ваших бойцов и своих поднапрячь, а то, боюсь, квалификацию потеряют.

Аслан засмеялся, прикрыл глаза и с наслаждением сказал:

– Будет вам акция, обещаю!

Возвращаться в душные пещеры Джон не хотел и еще некоторое время бродил по окрестностям. Чутье профессионала тревожно оповещало о том, что принятое решение ошибочно, но упрямый характер не желал этого признавать. В глубине души он не хотел провозгласить Сержа, но принятое решение не поменял. Это было его правило, а встряхнуть опытного бойца в лице Сержа нужно было обязательно, да и дисциплина оставляла желать лучшего, словно отряд попал под воздействие всеобщего российского разгильдяйства. В одном он был уверен на все сто процентов: в том, что с развалом советской империи рухнуло все, чему он учился и во что верил. Специалисты, как назло, все исчезли или измельчали. За деньги теперь продавалось все и вся, а такие профессионалы, как Ворью, ценились на вес золота и оберегались, как золотой запас страны. Он еще раз глубоко вдохнул чистейшего горного воздуха, перенасыщенного кислородом, подхватил пригоршню снега и отправил в рот. Пожевав, выплюнул, повернулся и от неожиданности отпрянул, тихо выругавшись:

– Фу ты, черт какой!

Рядом стоял Серж.

– Откуда тебя принесло? – недовольно продолжил он.

– Ваши мысли, шеф, не дают покоя.

– Какое дело тебе до моих мыслей? Ты мне лучше свои наработки предоставь.

– Не переживайте, скоро будут готовы. Вот только осмотрю ночные позиции при дневном свете и тогда сразу воплещу свои мысли в письменном виде.

– Давай, дерзай! – хлопнул его по плечу Джон и удалился.

Серж пожал плечами и занялся плановыми мероприятиями, которые были прерваны появлением разгневанного Аслана. Из обрывков фраз, доносившихся из соседнего помещения, Серж понял, что подразделения боевиков Джохара Дудаева покинули Грозный, таким образом отдавая город, но боевые действия продолжались на его юге и востоке.

Вскоре появился озадаченный Джон и, подтолкнув Сержа к выходу, невозмутимо прошептал на ухо:

– Аслан подготовил акцию. Ты должен пойти с ним. Осмотришься и доложишь. Будь осторожен.

Серж кивнул головой в знак согласия, но про себя обеспокоился, вполне понимая цель этого мероприятия. Все это создавало проблемы на пути к осуществлению намеченных планов.

На рассвете они были на исходной точке. Непонимание, что именно происходит, раздражало Сержа, но он оставался невозмутимым. Как всегда.

Впереди раскинулось небольшое селение. Аслан развернул карту и на родном языке начал давать указания своим бойцам. Сержу надоело стоять в стороне, и он подошел к склонившимся над картой боевикам.

– Меня-то хоть введете в курс дела? Аслан засмеялся и произнес:

– Тебе может не понравиться наша затея, но ты должен знать, что мы будем устранять тех, кто помогал федералам.

– А что, есть и такие индивиды? – искренне удивился Серж. – Я думал, что у вас все от мала до велика...

– Неважно! – раздраженно перебил его Аслан. – Но все предатели будут уничтожены, а твоя задача заключается в том, чтобы нейтрализовать русский блокпост на подступах к селению. Его местоположение обнаружишь по красным сигнальным ракетам.

Он свирепо стрельнул глазами.

– Это для меня не проблема, – усмехнулся Сергей. – Только для меня одного! Понятно?

– Да, – с изумлением выдавил Аслан. – Я слышан о твоих профессиональных качествах.

Серж поморщился от волн презрения, исходящих от чеченца, но невозмутимо склонился над картой и внимательно оценил местность. Забрались они действительно далеко, но Аслан опередил его вопрос.

– Вертушка заберет нас вот здесь.

Серж кинул взгляд на карту и сурово спросил:

– Зачем?

– Кое-кого нужно доставить в лагерь.

– Кое-кого это кого?

– Не твое дело, – зашипел Аслан. – Я не собираюсь отчитываться перед тобой. Занимайся своими делами.

– Мы друг друга поняли, – Серж поменял тональность голоса.

– Когда начинаем?

– Уже.

– Тогда ждите моего сигнала – зеленую ракету.

Аслан хотел что-то сказать, но тот уже исчез в вечернем мареве. Он злобно выругался, махнул рукой и по его команде двое боевиков пошли в том же направлении, что и Серж.

Примерно через час над блокпостом взвилась зеленая ракета, но группа боевиков, бесшумно выдвинувшаяся заранее, уже была в бою. Пока Серж нейтрализовывал двух боевиков, пока вязал русских солдат и убеждал их командира – молодого лейтенанта – в том, что все будет хорошо, в селение он опоздал. Оно встретило его пылающими домами, трупами на улицах и бессмысленной резней мирного населения. Одно из каменных строений вызвало у него подозрение. Его охраняли двое боевиков, которых Сергей грубо оттолкнул и шагнул внутрь. Только сейчас он выяснил цель данной акции. Двенадцать полуизбитых российских солдат испуганно жались к стене. Сзади внезапно появился Аслан в сопровождении бугая с пулеметом и окровавленным штык-ножом в руке.

– Это как понимать? – закричал Серж.

– А вот так и понимай! – выдохнул Аслан. – Это товар, понимаешь, товар, за который мы выручим немалые деньги.

– Да мне плевать на твои деньги! – не унимался Серж. – Я не объявлял России войну, и я не работородец, а поэтому не желаю участвовать в этой гнусной акции!

– А тебя и спрашивать никто не будет! Кстати, ты уже участвуешь, а твой шеф не против данной статьи дохода, и вертолет для этого нужен. Не тащить же этих доходяг на себе. А ты сам нам уже не нужен, американец. Вас я презираю так же, как и русских.

Он шагнул в сторону, давая боевику, стоявшему на изготровку за его спиной, возможность действовать.

Серж опередил их.

Он нанес удар ребром ладони в область шеи Аслана, перехватил из его ослабевшей руки штык-нож и мгновенно всадил его в горло недоумевающего боевика, который умер

сразу, но еще инстинктивно продолжал стоять на медленно подгибающихся ногах. Серж с силой выдернул из его рук пулемет, брезгливо толкнул тело ногой и, когда оно глухо ударилось о землю, передернул затвор, взглянув на ошалевших от страха солдат. Он вспомнил себя в Афганистане. Своих товарищей. Представил их на своем месте. От безумной злобы заскрежетал зубами и ударом ноги распахнул дверь. Его появление было неожиданностью для собравшихся перед строением боевиков. Стрелял он длинными очередями, превращая тела врагов в кровавое месиво. Когда закончились патроны, отбросил в сторону раскаленный пулемет, скинул с плеча автомат и продолжал стрелять и стрелять, пока не стихли стоны раненых. Бросив бесполезный автомат, он двинулся обратно. Обнаружив отсутствие Аслана, от бешенства зарычал, словно зверь.

– Где он?

Испуганные солдаты указали на выбитое окно. Сплюнув от досады, он спросил, уже окончательно успокаиваясь:

– Кто старший?

Молодые ребята отодвинулись, указывая на раненого старшего лейтенанта.

– Кто вы? – вопросом на вопрос спросил тот.

– Не важно. Потери среди личного состава есть?

– Никак нет!

– Ну и слава богу, – облегченно произнес Серж, развязывая солдат. – Не забудьте освободить ребят с блокпоста. Они в целости и невредимости, а мне пора.

– Спасибо! – виновато буркнул старший лейтенант. – Я такого зрелища в жизни не видел, чтобы один и всех положил.

Серж его уже не слышал, поспешно уходя. Он точно знал, что с федералами ему оставаться было нельзя, но и сбежавший Аслан не давал шанса на возвращение. Он все равно упрямо продолжал шагать к месту посадки вертолета, который почему-то долго не появлялся, но все-таки прилетел.

На удивление Сержа, из приземлившегося вертолета выскочил сам Джон и с удивлением стал разглядывать своего подчиненного.

– Почему ты один? – прокричал он сквозь шум лопастей.

– Аслан сволочь! – ответил Серж и устало вскарабкался в салон вертолета.

Джон подозрительно посмотрел на него, внимательно всмотрелся в сероватую пред-рассветную темноту и проворно запрыгнул в салон.

– Так что же все-таки случилось? – не унимался он. Серж не успел ничего произнести. Темный силуэт мелькнул в проеме вертолета, и от сильного удара по голове он потерял сознание.

4

– Дудаев нас кинул и смылся из города, а мы теперь это дерьмо расхлебывать должны! – кричала Марта и, уже обращаясь лично к Ирме, продолжила истерично ругаться. – Давай, шевели ходулями, корова ты тощая!

Они бежали по полуразрушенному этажу бывшего общежития. Вокруг грохотало и тряслось с такой силой, что бетон рассыпался, как будто песок. Мутные клубы дыма висели в комнатах и ползли по коридорам. Вокруг шла затяжная перестрелка. Создавалось впечатление, что все окружающее превратилось в один огромный котел, который стоял на огне, а в нем все кипело, ревели и клокотало. Одежда их из-за пепла и пыли стала серой.

Они всегда работали очень грамотно, качественно и жестоко. Их пара была основой мобильной группы, куда, кроме них, входили два автоматчика, пулеметчик и гранатометчик. Автоматчики обычно начинали бой, обстреливая противника, тем самым вызывая огонь на себя. Ирма с Мартой выявляли огневые точки, выдававшие себя огнем, и уничтожали их. Гранатометчик, используя шум боя как прикрытие, уничтожал бронетехнику и автотранспорт. Но сегодня все пошло не так, их группа прикрытия была уничтожена подразделением российских десантников, а они сами едва унесли ноги.

Ей никогда не было так страшно, как в этом обезумевшем от войны городе. Марта без остановки материлась, постоянно подталкивая напарницу в спину, и продолжала бежать, ловко уворачиваясь от падающих сверху кирпичей.

Сквозь грохот разрывов прорвались человеческие крики. Кому голоса принадлежали, было непонятно. Женщины понимали, что федералы их бы попросту разорвали, как бешеных собак, а боевики могли запросто пристрелить по ошибке. Поэтому Марта резко сменила направление бега и стремительно перемахнула через проем выбитого окна, настойчиво увлекая ее за собой.

– Давай, давай, девонька! Прорвемся! Еще немного и будем на месте. На той стороне улицы в соседнем доме заветный подвальчик с моим неприкосновенным запасом. Ты же знаешь, что я солдат запасливый.

Марта оглянулась на спутницу и, заметив ее безразличие, сплюнула от досады.

Улица представляла собой сплошное нагромождение железобетона. Посередине чуть с наклоном и с оторванной башней застыл обугленный танк, а вокруг валялись обезображенные трупы. Создавалось впечатление, что танкист обезумел и до самого конца катался по ковру из тел, превратив этот участок улицы в зловонную кровавую лужу.

По противоположной стороне на коленях ползала сгорбленная старуха с кирпичом в руке и безутешно грозила им в сторону приближающегося самолетного гула.

Самолет не заставил себя ждать. Он летел совсем низко с ужасным свистом, словно хотел своим телом пронзить верхушки домов. За стихшим свистом раздалась череда чудовищных разрывов – упали ракеты. Одна из них разорвалась неподалеку, превратив улицу в средоточие огненной бури, которая в мгновение ока хищно слизала старую женщину и рванулась в их сторону. Бурлящий котел лопнул, а земля перевернулась и оглушила их, превратила чудовищный шум в звенящую тишину. Сквозь обрывки сознания она увидела беспомощную Марту, которая наглоталась дыма и, судорожно дыша, согнулась, спрятав голову в коленях. Через некоторое время она подняла спутницу и безумным взглядом всмотрелась в ее лицо.

В уставшем организме сработал механизм самозащиты, и Ирма отключилась. Наступившая в голове тишина мгновенно убаюкала и погрузила ее в водоворот воспоминаний.

Казалось, что это происходило совсем недавно. Она с родителями отдыхала в Клайпеде. Они тогда частенько посещали Палангу, пейзажи которой стали неизгладимым впе-

чатлением. Часть изумительного берега Балтийского моря, где она появлялась, была украшена дюнами из белоснежного песка и древним пирсом, похожим на сороконожку. Когда ей снова довелось посетить этот удивительный уголок природы, она долго бродила по границе воды и суши, а волны прибоя бились о подошвы кроссовок. Порывы ветра были слабыми. Их сил хватало только встрепать волосы и слегка похлопать складками юбки. Мощные волны, зародившиеся где-то в бескрайних просторах моря, тщетно старались расшатать старые подгнившие сваи пирса. Они шумно, с удивительным завораживающим напевом, терялись в ослепительно белых дюнах. Все чудо заключалось в том, что вокруг было безлюдно. Это состояние одиночества пьянило и давало необычайную легкость, упоение и пьянящее состояние.

Неожиданно на пляже все изменилось, а его внезапное появление на пирсе в буквальном смысле заставило кровь закипеть. Это был он, такой любимый и такой далекий. Она осторожно подошла ближе по скрипучим и мокрым доскам. Он протянул ей руку и, обхватив ее длинные пальцы, нежно притянул к себе. От этого прикосновения она взмокла и старалась не дышать. Он улыбнулся и увлек ее обратно на берег. Они шли по скользким доскам, а пирс, словно живой, приподнимался и опадал в томном дыхании. Они блаженно молчали, а белые гребни волн играючи обгоняли их и шипели пеной на деревянном настиле, обдавая их фонтаном соленых брызг. Он спрыгнул с пирса и благоговейно взял ее на руки. Она обхватила его шею руками, и безумно родной неповторимый запах без остатка погрузил ее в себя.

– Нет, нет! – в немом крике неожиданно закричала она, сжавшись в комок от безумного страха и прикрыв ладонями лицо. – Этого не может быть! Его здесь быть не может! Он умер! Господи, что со мной происходит? Подскажи мне, пожалуйста?

Но бог безмолвствовал, а она очень долго не отрывала ладони от лица и только когда вновь закричали доски пирса, она опустила руки и взглянула в сторону воды. Его расплывчатый силуэт медленно таял в наплавившей с моря мгле. Он брел по поверхности воды, и так ни разу не обернулся. Его сторбленная фигура вскоре растворилась в наступающем мраке, а она тщетно старалась вспомнить очертания его лица. В этих изматывающих попытках она неизбежно истощила себя. Этим состоянием сразу воспользовался ужас, затаившийся в ее мозгу. Он схватил ее за горло и погрузил разум в небытие.

– Мамочка! – закричала она из бездонной пропасти, не узнавая свой безмолвный голос. – Помоги мне, пожалуйста! Я погибаю! Помоги, родная моя! Я знаю, что ты где-то рядом!

Мама, такая обычная, словно всего лишь ненадолго отлучилась по делам, появилась сразу, как только услышала ее зов.

Мгла мгновенно отступила, пронзенная прохладными лучами прибалтийского солнца.

– Что случилось, доченька? – ласково спросила она, прижимая дочь к своей груди.

– Мне страшно, мамочка. Я не знаю, что мне делать! – ответила она обреченно.

– Ступай за мной, и у нас все будет по-прежнему!

– А папа где?

– Он ждет нас, милая!

Она блаженно зажмурила глаза и прижалась щекой к щеке матери. Тысячи ледяных игл пронзили голову, и она отпрянула, опалившись о безжизненную плоть матери, и снова открыв дорогу ужасу.

– Нет! – закричала она. – Мне нельзя с тобой! Я не хочу с тобой! Ты же тоже умерла!

– Как хочешь, доченька. Это твое решение и тебе ему следовать! – разочарованно прошептала мать, нежно освобождая объятия.

В считанные мгновения ее лицо переменялось и стало строгим, как когда-то в далеком детстве.

– Дочь, что ты творишь? – назидательно начала она. – Разве мы с папой тебя этому учили? Ты же стала совершенно другой, не похожей на себя! Ты же стала... Очнись, доченька, очнись!

Сознание мгновенно вернулось – вмешался кто-то посторонний. Она дрожащей рукой вытерла мокрое от пота лицо и приподняла голову. Полумрак подвала сразу ошеломил. Справа от нее на коленках сидел зареванный мальчишка и настойчиво дергал ее за руку. От безумного страха он перепутал ее со своей матерью, разорванное тело которой лежало в нескольких метрах от них. В голове у нее что-то щелкнуло, слух наполнила какофония звуков, оглушив и напомнив, что нынешнее существование – это ад. Сквозь звуковую кашу она отчетливо услышала голос мальчишки, говорившего на чистейшем русском языке. Он с мольбой вглядывался в ее лицо и без конца повторял, едва не срываясь на крик:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.